

дения филологического факультета Ленинградского государственного университета.

С началом Великой Отечественной войны Анна Германовна оставалась в осажденном Ленинграде, продолжая свою работу. 28 октября 1941 г. состоялась защита ее диссертации по теме «Скульптурная группа Pietá Микеланджело и ее народные основы» на филологическом факультете Ленинградского государственного университета. Ученый совет единогласно принял решение о присвоении А.Г. Николаевой-Генкель ученой степени кандидата филологических наук.

Тяготы первой блокадной зимы подорвали здоровье Анны Германовны, и она скончалась в апреле 1942 г. и была похоронена на Пискаревском мемориальном кладбище [Книга памяти 2000: 46–47].

Библиография

Бакмейстер И.Г. Опыт о библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской Императорской Академии Наук. СПб., 1779.

Беляев О.П. Кабинет Петра Великого. СПб., 1800.

Закс А.Б. Историко-бытовые музеи. Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. 1.

Книга памяти Ленинградского — Санкт-Петербургского университета. 1941–1945. Выпуск второй. СПб., 2000.

М.В. Ломоносов и елизаветинское время. Каталог выставки. СПб., 2011.

Памятники русской культуры первой четверти XVIII века в собрании Государственного ордена Ленина Эрмитажа. Каталог. Л.; М., 1966.

Пекарский Э.К. Путеводитель по Музею антропологии и этнографии имени императора Петра Великого. Галерея императора Петра I. Пг., 1915.

Петтинова Е.Ф. Б.К. Растрелли. 1675–1744. Л., 1979.

А.Ю. Сеницын

О СПЕЦИФИКЕ ОПИСИ КОЛЛЕКЦИИ 312 МАЭ РАН

Коллекция 312 объединяет часть собрания японских предметов, которые были привезены наследником российского престола Великим князем Николаем Александровичем Романовым из его путешествия на Восток в 1890–1891 гг. и участвовали в открывшейся в 1893 г. выставке в Эрмитаже. Выставка была доступна посетителям в 1893–1894 гг.

В 1897 г. большая часть экспонировавшихся предметов была передана МАЭ. Эти предметы весьма разнородны и по составу, и по способу собирания, и по культурной и художественной ценности. Среди них представлены и шедевры традиционного японского художественного и декоративно-прикладного искусства, и этнографические изделия, характеризующие традиционный быт и ремесла, и предметы сугубо сувенирного характера. Что касается способа приобретения предметов этого собрания, то наиболее значимая и ценная с художественной точки зрения его часть была преподнесена цесаревичу представителями мэйдзийской аристократии в качестве официальных даров. Остальные предметы были присланы ему от представителей различных слоев японского общества либо куплены самим Николаем Александровичем на ярмарках в Нагасаки и Киото. Поэтому эту коллекцию в целом можно назвать объектом особой культурной важности.

Однако в статье речь пойдет не о предметном составе коллекции 312, а будут рассмотрены специфические особенности ее описи и составляющие ее документы.

Первым из них является типографским способом отпечатанный список предметов так называемого «японского отдела» из «Каталога выставки предметам, привезенным Великим Князем Государем Наследником Цесаревичем Николаем Александровичем из путешествия Его Императорского Высочества на Восток в 1890–1891 гг.» [Каталог 1893: 51–76], насчитывающий 331 номер. Каталог, атрибуция и описание предметов были подготовлены В.И. Сигелем и г. Пехом в Управлении Собственным Его Величества дворцом под наблюдением генерал-лейтенанта А.С. Васильковского [Успенский 2004: 143]. В этот список вошли предметы, выставившиеся в японском отделе указанной выставки, устроенной в Эрмитаже, в него включены все предметы оригинального собрания Николая Александровича Романова, атрибутированные как японские, включая и те, что к японским были отнесены ошибочно. Список МАЭ не отражает последующего распределения предметов по музеям Санкт-Петербурга.

Особенностью списка является двойная нумерация предметов: каждому из них дан трехзначный основной номер, выделенный жирным шрифтом, и дополнительный, отделенный от основного дефисом и заключенный в круглые скобки. Примечателен он еще и тем, что иногда к соответствующим предметам прилагаются весьма своеобразные и порою весьма пространные описания важнейших искусств, ремесел и декоративных техник, не потерявшие актуальности и для современных этнографов и искусствоведов. Они восхитительны своей ясностью и из-

яществом языка, не использующего ни канцеляризм, ни варваризм, ни узкопрофессиональных терминов. Одним из лучших представляется описание техники лаковых изделий, приведенное на с. 53–55:

«На выставке имеется много образцов лаковых изделий разнообразной стоимости и достоинств. Хотя есть указания, что искусство изготовления лаков заимствовано из Китая, но во всяком случае оно привилось в Японии очень давно и доведено до высокой степени превосходства. Тщательность приготовления по издавна усвоенным правилам граничит с невероятностью. Первым материалом для изделия почти всегда служат тоненькие дощечки, приготовленные из деревьев, срубленных в известное время года и тщательно высушенных и сортированных. Дощечки в коробках, ящиках и т.п. прилаживаются одна к другой так, что пазы едва можно различать, малейшие неровности закрываются пастой из лака с мелким порошком камня или растительных волокон, и затем все протирают полировальным камнем. Сверх дерева часто наклеивается особым лаком тонкая шелковая или бумажная одежда, швы которой совершенно сглажены. После тщательной просушки последовательно, до пяти раз, накладывается тонкими слоями грунт из смеси лака с тонкими слоями глины и каждый раз слой сглаживается полировальным камнем. Затем начинается собственно лакирование с помощью кистей и щеточек из тончайших волос. Как сорт лака, так и приемы несколько разнятся в зависимости от школы, но всегда соблюдается тщательность в просушке, которая продолжается до 20–30 суток. Лак полируется тонкою бумагою, а также золою от оленьего рога. На изготовленный таким образом фон наводят золотой или серебряный порошок, снова покрывают лаком, который позволяет металлу сквозить. Рисунки переводятся с бумаги, где они изображаются медленно сохнущим лаком, вследствие чего черты отпечатываются при наложении. Для придания рельефности рисункам они покрываются порошком металла или перламутра и многократно лакируются, так что в некоторых случаях выдаются выше фона, в других же изделиях все покрывается вгладь. Хороший лак выдерживает пробу горячей водой и даже огнем. Достоинство работы художников познается по смелости рисунка и чистоте линий. Подпись имени часто бывает скрыта внутри. Японское правительство долгое время строго воспрещало вывоз лаковых изделий, и поэтому в Европу попадали только единичные экземпляры, ценившиеся непомерно высоко, но с открытием портов для внешней торговли и с разрушением феодального строя на рынках появилось их множество, причем наряду с подлинно художественными произведениями оказываются часто различные имитации. Достоинство современных произведений понизилось, так как теперь и восточные народы стали бо-

лее дорожить временем и спешить при работе в ущерб тщательности. Горячка коллекционирования лаков для вывоза уже миновала, истощив ресурсы страны, а потому в будущем трудно ожидать появления лучших образцов, чем находящиеся ныне на выставке».

Описание техники перегородчатой эмали приведено на с. 58–59: «Изделия клуазонэ (финифть) известны были еще в древности, но японцы начали ее работать не более трехсот лет назад, и только за последние годы производство усовершенствовалось и разделилось на несколько способов. Получивший надлежащую форму медный предмет, например ваза, покрывается иглою гравированным рисунком, затем тонкую сплюсненную проволоку прокладывают по всему рисунку, прикрепляя ее воском, после чего образовавшуюся таким образом сетку, припаявают к самой вещи. Гнезда сетки заполняются пастой различного цвета на манер мозаики, затем все просушивается, прогревается и полируется. Клуазонэ, так называемое *champ-levé*, готовится посредством делания углублений в чистых местах между нанесенными на предмет чертами рисунка. Образующиеся между тонкими перегородками отвечающие рисунку углубления наполняются эмалевой пастой потребного цвета. Стиль мастеров в г. Киото таков, что контуры сетки видны, а в г. Токио достигают полной иллюзии сплошного рисунка, накладывая пасту сверх сетки. Но истинные знатоки считают это извращением мастерства, так же как и наложение финифти на фарфор. Стоимость вещей клуазонэ повышается вследствие большого числа брака при изготовлении».

Небезынтересно и описание особенностей японских традиционных бронзовых зеркал (с. 63): «Японские зеркала обладают способностью давать при отражении сильного солнечного света на гладкую поверхность, например стены, световое изображение рисунка с обратной стороны, что зависит от различного уплотнения материала при чеканке рисунка. Такие зеркала становятся редкостью потому, что множество и них пожертвовано японскими женщинами на отливку национального памятника. Находящийся в коллекции Его Высочества экземпляр вполне подтвердил эту способность японских чеканных зеркал».

Иногда имеют место описания не только декоративных техник, но и некоторых элементов японской традиционной культуры, например традиций самурайского сословия (с. 70): «Это собрание оружия заключает в себе несколько экземпляров исключительного достоинства, как по отделке, так и по качеству клинков, изготовленных известными старинными мастерами, которым уже нет достойных подражателей. Еще недавно, когда всякий бой в понятиях японцев связывался с понятием о рыцарском благородстве, сабля называлась “душою Самурая”, и при-

вилегия носить две сабли была им присвоена в XV столетии. Одна сабля, большая “Катана”, составляла боевое оружие, другая, меньшая, “вакизаши”, предназначалась преимущественно для самоубийства распарыванием живота, что было в обычае как последнее средство для поддержания чести. Благородные юноши специально обучались, как выполнять над собой этот обряд (харакири). Боевые сабли большей частью были двуручные, но имеются также и облегченные, так сказать, парадные. Кинжалы-айкуши носили доктора и младшие чиновники. В ножах боевых сабель обыкновенно имеются два отделения для маленького ножика “Ко-котана” и род шпильки “когай”, которая в старину оставалась в теле сраженного противника, чтобы этим отметить свое право. Японские клинки получали высокие качества вследствие особой тщательности изготовления, причем стальное лезвие сваривалось с железным обухом. Имя мастера и время изготовления помечаются под рукояткою; здесь же иногда записана история сабли, а также поименованы сраженные ею знаменитые воины. Эфес, а также ручка маленького кинжала при хороших саблях обыкновенно бывают художественными произведениями, а ножны часто изукрашены до высокой стоимости, в противоположность клинкам, которые чаще совсем гладкие».

Каталог предметов японского отдела выставки, естественно, не отражает последовавшую позднее передачу предметов в различные музеи Санкт-Петербурга, но является основой для двух вариантов описи предметов, переданных в МАЭ РАН. Один из них — типографски отпечатанная «№ 312. Опись вещам, привезенным Его Императорским Величеством из путешествия на Восток в 1890–1891 гг. и подаренных Государем Императором для Этнографического музея Императорской Академии Наук. V. Отдел Японский». Другой вариант — ее рукописная копия, датированная 1896 г. Особенностью этих документов является то, что здесь уже каждый предмет имеет общий номер коллекции — 312. Затем через дефис указывается трехзначный порядковый номер согласно списку каталога (тот, который в каталоге приводится в круглых скобках; поскольку в описи № 312 указаны только те предметы, что были переданы в МАЭ, между этими номерами есть порядковые разрывы), затем ставится точка и номер предмета уже по описи МАЭ начиная с первого. Первым в описи является номер 312-281.1, затем 312-285.2, 312-286.3, 312-288.4 и далее.

Опись № 312 разделяет составляющие ее предметы на несколько групп, причем выделение самих этих групп представляется необоснованным.

Так, предметы с 1-го по 56 номера (указаны по описи МАЭ) объединены в никак не названную группу. Они самые разнообразные — лако-

вые «коробки», «ящики», «столики», «чашки», «блюбочки», «комодики», а также «пагода», «палочки», а также «трубки для курения опиума», «пагода», «ящик с образцами минералов», «бумага писчая», «дракон металлический, изгибающийся, на 4-х лапах», альбомы с фотографиями, «две фигуры японок, сидящих на вязанках хвороста» и т.д.

Номера 57–66 названы «Материи и обои», однако представляют собою на самом деле живописные свитки и двадцать вееров (все двадцать — под одним номером 312-502.66).

Номера 67–77 названы «Оружие и седла», объединяют два седла, один меч («шашка в металлических бронзированных ножнах с меховым чехлом»), 2 «кинжала» и 4 «ножичка» (на самом деле — неяпонские!), «японское вооружение с принадлежностями», включая два лука больших и 21 стрелу (все под № 67 и 68), «два лука малых с 13 стрелами на подставке» (№ 69), «одежда из металла и шерсти в виде панцирной...», «кукла в одеянии и шлеме», «одеяние в виде панцирного.., для куклы»...

Все остальные предметы (№ 78–138 по нумерации МАЭ) названы «Разные предметы», объединяющие самые разнообразные предметы, включая и те, что должны были бы относиться к «Материи» и «Оружию». Можно выделить следующие группы предметов: лаковые предметы, живопись, гравюра, оружие, доспехи, текстиль, керамика, курительные принадлежности, куклы и кукольные аксессуары, пластика и скульптура, веера, предметы быта, модели, печатная продукция, фотографии.

Как и в каталоге, в описи коллекции 312 указаны дарители некоторых предметов, переданных в МАЭ:

— № 312-121 (в оригинальной нумерации каталога — 573). «Модель священной горы Фудзияма, гипсовая белая в деревянной раме. К ней папка с топографическими картами этой горы. Преподнесена японским принцем Тарухито». Здесь речь идет о принце Арисугава Тарухито (1835–1895), девятом главе ветви императорской фамилии Арисугава-но мия.

— № 312-123 (576). «Картина “Вид местности Матсushima”. Акварель с натуры на тафте. Картина поднесена Миаджийским губернатором Мамору Фунакоши». Фунакоси Мамору (1840–1913) — пэр Японии, политический деятель, барон; в 1891 г. — губернатор префектуры Мияги (где и находится знаменитая своей красотой местность Мацусима, изображенная на картине), приходился зятем Ямагата Аритомо (1838–1922), премьер-министру Японии в 1889–1891 гг.

— № 312-124 (579). «Вооружение японское (полный комплект) со шлемом. Комплект поднесен жителем Изутсулейдора, Миаджийского

округа Уосабро (Yosaburo) Нумадзава». По-видимому, имеется в виду некто Нумадзава Ёсабуру, «Миаджийский округ» — это префектура Мияги (Мияги-кэн); «Изутсулеидор» — совершенно не японское написание. Возможно, из числа лиц, сопровождавших губернатора префектуры Мияги, упоминавшегося выше.

— № 312-125 (586). «Никко (священный город) (22 фотографии). Поднесены городским головой города Никко Кихеи Ирийе (Ириэ Ки-хэй) как представителем горожан».

— № 312-126 (587). «Генеалогия Японского Императорского Дома. На листе бумаги в виде карты. Преподнесена от Акинори Хида, живущего в Токио». Позже данный предмет был передан в Азиатский музей.

— № 312-127 (588). «Пенька японская (образец). Пенька преподнесена жителем города Точиги, Таканозе». По-видимому, имеется в виду некто г-н Таканодзэ из префектуры Тотиги. Данных о нем нет.

— № 312-128 (590). «Шелковая квадратная вышивка в японском духе с надписью, обозначающею пожелание доброго здоровья и долголетия Государю Наследнику Цесаревичу, ныне благополучно Царствующему Государю Императору <...> Поднесена жителем деревни Мийоши Кийоши Кинийеда в округе Кувамура». По-видимому, имеется в виду некто Канэда Киёси, житель селения Миёси, уезда Кувамура префектуры Эхимэ (провинции Иё), о. Сикоку. Данных о нем нет.

Опись не упоминает имена всех дарителей. Так, не было зафиксировано имя дарителя ряда высокохудожественных предметов, помеченных гербом дома Токугава. Представляется весьма возможным, что таковым мог быть Токугава Иэсато (1863–1940), 16-й глава дома Токугава, глава палаты эров в 1901–1933 гг.

В обоих вариантах описи МАЭ так или иначе (в виде сносок, рукописных пометок на полях) зафиксированы предметы, впоследствии переданные из МАЭ в другие музеи.

Например, можно отметить предметы, переданные в Азиатский музей и принятые ее директором академиком К.Г. Залеманом:

№ 312-438.44. Бумага писчая разная чистая с рисунками и письмами, из которых несколько листов с рисунками (№ 44а, 44б) оставлены в Этнографическом музее. По-видимому, это не просто «бумага», а граюры укиё-э.

№ 312-445.46. Восемь разных книжек с письменами и рисунками. (Пять остались в МАЭ.)

№ 312-447.47. Двенадцать книжек английских с рисунками. (Десять остались в МАЭ.)

№ 312-448.48. Четыре разных книжек с рисунками. (Две остались в МАЭ.)

№ 312-449.50. Три коробки с девятью книгами. Пять коробок с 14 книгами остались в МАЭ.

№ 312-461.51. Альбом с планами в голубом шелковом переплете.

№ 312-463.52. Восемнадцать книг с рисунками и японскими письменами переданы в Азиатский музей. Двенадцать книг остались в МАЭ.

№ 312-465.54. Две книги в переплетах под заглавием «Tabacco culture at Osumi and Satsuma. H. Awoye». Один экземпляр принял К. Залеман.

№ 312-466.55. Четыре книги в двух футлярах. «Рыбы, добываемые в Кагоммском море».

№ 312-575.122. Русско-японский словарь в двух томах в сафьяновых переплетах с золотым тиснением; оба тома в красной обложке с Императорским гербом. Преподнесен представителем книготоргового общества в Токио Тейши Сакума.

№ 312-594.129. Снимки с эпитафий, помещенных на древнем памятнике (VII в.) в Японии (на 4-х листах).

№ 312-675.134. Десять тетрадей с японскими рисунками.

№ 312-680.135. Японский адрес.

Передано в Минералогический музей:

№ 312-392.33. Ящик с девятью образцами разных минералов.

Также отмечены предметы, переданные в другие отделы МАЭ:

№ 312-506.70. Два кинжала в металлических ножнах, один — в серебряных, другой — в золоченых. В 1918 г. переданы в отдел Индии.

№ 312-526.80. Модель лодки черного дерева. В 1924 г. передана в отдел Индонезии.

№ 312-597.131. Палаш с серебряной рукояткой в кожаных ножнах с серебряным наконечником. В 1925 г. передан в отдел Африки.

К документам описи коллекции № 312 приложен еще ряд второстепенных документов частного характера, как то: описание отсутствующей карты из непромокаемой бумаги из водорослей на французском языке с приложенным русским переводом, выписки о передаче указанных выше предметов в другие отделы МАЭ с более подробным описанием, выписка от 24.03. 1914 г. о переводе некоторых предметов в отдел изображений.

Приходится констатировать, что в нынешнем состоянии опись № 312 не является цельным описанием коллекции, имеет ряд суще-

ственных недостатков и не удовлетворяет современным системным требованиям к музейным описям:

1. Не отражает реально число предметов, ибо под одним номером могут находиться несколько разных предметов, каждый из которых может иметь значительное число единиц хранения. В описи числится 138 номеров, однако реально предметов (единиц хранения) может оказаться на порядок больше. В настоящее время по музейным документам, включая карточки в фондах, адекватно подсчитать количество единиц хранения невозможно. Подход к самой системе нумерации в описи представляется принципиально ошибочным, ибо часто предметы группируются неадекватным образом, например под одним номером 312-323.19 значатся «десять деревянных чаш лакированных...», а под следующим номером 312-20-10 — 9 «Десять блюдец деревянных, лакированных...», хотя эти «блюдечки» являются крышками от упомянутых выше чашек.

2. Как упоминалось выше, многие предметы, числящиеся в составе коллекции 312, были переданы в другие отделы МАЭ и в другие учреждения. Факт передачи был зафиксирован в описи, однако нумерация предметов от этого не изменилась, т.е. в ней появились лакуны.

3. Некоторые японские предметы, относящиеся к собранию Н.А. Романова, в состав коллекции 312 не попали, например № 7414-1 («Рыба-дракон»).

4. Описание не вполне адекватно отражает предметный состав коллекции. Многие предметы определены крайне невнятно (например, живописные свитки какэмоно названы «материи и обои»), иногда совершенно неправильно, по этим описаниям весьма сложно получить реальное представление о предмете. Не указываются размеры и состояние сохранности, а также отдельные детали составных предметов.

5. Система нумерации предметов в описи не соответствует нумерации картотеки в фондах.

Таким образом, приведение описи коллекции 312 в соответствие современным требованиям потребует не просто перерегистрации, а принципиального изменения системы нумерации как в самой описи, так и в картотеках фондохранилищ и на самих предметах.

Библиография

Каталог выставки предметам, привезенным Великим Князем государем Наследником Цесаревичем Николаем Александровичем из путешествия Его Императорского Высочества на Восток в 1890–1891 гг. СПб., 1893.

Успенский М.В. «Восточное путешествие» наследника престола Николая Александровича и коллекция японского искусства в Петербурге // Успенский М.В. Из истории японского искусства. СПб., 2004. С. 143.